

ЧЕСТЬ ИМЕЮ

ГЕОПОЛИТИК СНЕСАРЕВ: НА ПОЛЯХ ВОЙНЫ И МИРА

Начальные главы

ВЕРНЫЙ СЫН РОССИИ

Эта книга писателя Виктора Будакова интересна с художественной, научно-исторической, героико-патриотической и других точек зрения. В ней воплощен результат многолетнего труда автора по изучению, осмыслению и описанию жизни и творчества Андрея Евгеньевича Снесарева (1865–1937), уроженца донского края, воронежской земли. Уверен, что каждый, кто прочтет данное произведение, убедится, что такие эпитеты, как знаменитый, выдающийся и другие подобные им по смыслу, в приложении к имени Снесарева не являются преувеличением.

Его личные качества и деяния поражают и восхищают. Ученый-энциклопедист, выдающийся военачальник и военный теоретик, глубокий знаток культур, религий и языков многих народов Востока и Запада, герой Первой мировой войны и мирного труда. Был он и участником Гражданской войны. Его участие в ней не было понято и оценено ни «красной», ни «белой» стороной. В этом и сегодня трудно разобраться тем, кто не поднялся над историей того времени, а яростно оправдывает одну и обвиняет другую сторону. Андрей Евгеньевич смог подняться на такую высоту тогда, непосредственно в то сложное время. Он обладал редким даром смотреть на настоящее одновременно с позиций широкой панорамы мировой и российской истории, которую хорошо знал, и с высоты прогнозируемого им будущего. Как мыслитель и человек активного действия Снесарев не был пленником текущих событий. Не увязал он в прошлом, зная его достоинства, недостатки, и не впадал в идеализм, когда анализировал настоящее, поднявшись на высоту будущего, даром реалистического предвидения которого он обладал.

Автор уверен, что каждый, кто соприкоснется с биографией и творческим наследием Снесарева, в последующем будет питать к нему постоянный интерес и растущее уважение, проникаться восхищением его умом и человеческими качествами. Автору книги, на мой взгляд, удалось показать Снесарева как человека великого таланта и личного обаяния, вклад которого в интеллектуальный и нравственный потенциал России далеко не полностью раскрыт и оценен. Его имя почти три десятилетия было в забвении. Его деятельность и научное наследие в это время никто не изучал. И как интеллектуальная и нравственная ценность они были

недоступны для двух поколений нашей страны, поскольку были исключены из научного, образовательного и воспитательного процессов ее жизни. Время большое, достаточное, чтобы забыть навсегда.

Только в 60-е годы представители разных отраслей знаний и деятельности, главным образом востоковеды и военные, начали обращаться к личности и творчеству Снесарева. Слишком сложное и противоречивое время выпало на жизнь Снесарева, и он не укладывался в оценочные штампы ни красных, ни белых.

Виктор Викторович Будаков своим даром поэта и писателя не только это почувствовал, увидел, но и воспринял как большую общественную несправедливость и утрату. И он, давно уже осмысляя жизненный и творческий путь земляка, собирался, как я его понял при первой встрече, внести свой вклад в восстановление справедливости, выразить отношение к этому великому человеку от имени литературы. Трудную задачу, по-моему, он решил достойно.

Моё знакомство с писателем состоялось более десяти лет тому назад. В то время я возглавлял научно-методический центр отечественной военной стратегии в Военной академии Генерального штаба Вооружённых сил РФ, работал над проектом «Антология отечественной военной мысли». Это требовало изучения и оценки опубликованных и неопубликованных сочинений широко известных и полузабытых авторов, которых раньше называли военными писателями, а в наше время – военными теоретиками. Конкретно о Снесареве знал мало, только был наслышан о нем как о выдающемся военном педагоге от своего сокурсника по военной академии В. М. Дудника. Но тогда у меня были другие научные интересы.

Когда стал заниматься историей отечественной военной мысли, возник конкретный интерес к личности Снесарева; того, что знал, было мало для включения его в число классиков отечественной военной мысли. Мнение изменилось после прочтения его книги «Авганистан». Она меня удивила. Пожалел, что не читал эту раритетную книгу перед тем, как довелось побывать в этой стране. Снесарев написал ее в начале 20-х годов. Какое знание и оценка страны и ее народа! Мы так не знали эту страну, когда вводили туда в конце 1979 года свои войска, да и когда выходили оттуда через 9 лет. Название страны уточнили – Афганистан, а вот знание ее как социума оказалось значительно ниже снесаревского. Так написать мог только глубоко и далеко мыслящий человек.

Начался дальнейший поиск и изучение снесаревского наследия. Оказалось, что у Снесарева есть и другие труды, ставшие еще большей библиографической редкостью. Есть масса статей под его именем и под псевдонимами. Но главное, тогда еще была жива его дочь Евгения Андреевна Снесарева, самоотверженно отстаивавшая доброе имя своего отца, сохранившая его архив. Есть внук Андрей Андреевич Снесарев и внучки Анна Андреевна и Мария Георгиевна. Они помнят и чтут своего деда. Архив содержит неопубликованные работы, письма, дневники, документы. Первое с ними знакомство, по разрешению Евгении Андреевны, показало, что передо мной слабо изученный мир интеллектуального гиганта, выдающегося ученого, философа и военачальника, организатора науки.

Узнал от Снесаревых, что им интересовались и интересуются многие. Среди них особо тщательно снесаревский мир стремится постигнуть писатель из Воронежа Виктор Викторович Будаков, который уже собрал большой материал для книги. После знакомства с архивом, большого числа встреч и разговоров с удивительной Евгенией Андреевной, знавшей много о своем отце, его жизни и творчестве, я решил организовать научную конференцию о жизни и творчестве

Снесарева как выдающегося ученого, героя Первой мировой войны, первого командующего Северо-Кавказским военным округом, начальника Академии Генерального штаба РККА в 1919–1921 годах, затем профессора ряда военных академий, автора сотен опубликованных и большого количества неопубликованных трудов, осужденного на высшую меру, самим Сталиным замененную десятью годами лагерей. На эту конференцию приглашались все, о ком было известно, что он интересовался жизнью и творчеством Снесарева. Был приглашен и Виктор Викторович. Приглашение он принял. Запомнился его доклад. Но больше – разговоры, беседы о трагическом и героическом пути нашего Отечества, его выдающихся и преданных сыновьях, среди которых оба мы выделяли Андрея Евгеньевича Снесарева.

Будаков уже в то время знал о жизни и творчестве Снесарева значительно больше и глубже, чем я. Мой интерес был сосредоточен на военной стороне жизни и творчества, а он лучше знал и другие грани его таланта. Особо запомнилось и понравилось, что он рассматривал эту выдающуюся личность в сложном контексте исторического времени, героизм и трагизм судьбы ученого-геополитика в русле героического и трагического хода истории России. О чем-то спорили, но в основном наши подходы и оценки совпадали. Я просил показать законченную книгу, и Виктор Викторович пообещал сделать это. С нетерпением ждал. Писатель вживался в контекст эпохи, искал детали, выяснял биографические подробности. Ему чего-то недоставало, и он не мог поставить точку. Советовал ему это все же сделать – дополнят другие. Интерес к Снесареву не иссякнет, наоборот, будет возрастать.

И вот передо мной – многолетние раздумья Виктора Будакова над личностью и творческим наследием великого земляка. Наконец-то многолетние обращения к имени и памяти Снесарева переросли в многомерное повествование о великом геополитике, философе, стратеге истории, авторе концепции стратегического метода ее изучения и политического планирования, мужественном воине и Герое труда. Книга радуется широким взглядом на человека и мир. Она в хорошем смысле панорамна. Образ Снесарева представлен на фоне событий в России и на всем земном шаре. Для постижения энциклопедического мира своего героя автору потребовалась собственная энциклопедическая подготовка. Она дала ему возможность представить образ Снесарева в сложнейшем переплетении исторических событий, картин, имен, лирических отступлений, которые вполне органично вписаны в общий строй персонально авторского повествования о выдающемся и верном сыне России.

Для Снесарева всегда главным было само существование России в веках. Он не понимал и не принимал позиции тех, для кого приемлема Россия только определенного цвета, «красная» или «белая», и в остервенелой борьбе за свой «цвет» они готовы ее уничтожить и даже возненавидеть свой народ за неприятие или равнодушие к их проектам его осчастливить.

Он служил России, ее вечному историческому бытию, а не общественно-политическим пристрастиям. И когда они бушевали и втягивали в себя всех и вся, он выбирал то, что в данный момент не противоречит сохранению его Родины. Он был великим патриотом России на деле, а не на словах и преходящих страстных порывах. При таком подходе Снесарев понятен и прозрачен. К этому и стремился автор книги.

Книга В. В. Будакова – своеобразное художественно-историческое исследование, в котором не только естественно переплелись художественные нити, но и увидены геополитические горизонты на самых драматических сломах русской жизни. Круговерть семнадцатого года и гражданской междоусобицы побуждала лучших людей России не только мучительно раздумывать над судьбами Отечества, но и совершать трагический выбор в осознании, что окончательной правды нет ни у одной из тогда воюющих сторон. Это понимал Снесарев, который, как Столыпин и Менделеев, был сторонником эволюционного развития России, глубоко чувствовал ее драматическую и героическую жертвенную миссию: его душа и ум были обращены гением Пушкина, Лермонтова, Достоевского, отрицавших всем духом своего творчества авантюрные насильственные ломки исторически сложившегося, созидательного и к духовным высотам направленного отечественного бытия.

Будаков посвящает немало страниц геополитически-пророческим прогнозам Снесарева (гибельность для страны союза с Антантой, равно как и разрыва традиционно-приемлемых отношений с Германией, опасность курса на любое «втягивание в горы» Афганистана, необходимость обратить все возможности для сближения с исполином-Востоком, каждая из стран которого – будь то Китай, Индия, Япония или другие азиатские государства – огромная сила. Геополитик отчетливо и убежденно осознавал будущий взлёт Азии и призывал строить с ней прямые отношения, а не через посредничество Запада).

Необычной для такого жанра, но весьма уместной главой книги является заключительная, в которой автор кратко, но с любовью рассказывает о своих поездках по снесаревским местам.

Любовь автора к воронежской земле, ее людям безгранична и безмерна. Он знает место и роль своей малой родины в истории, в текущем и будущем России. Благодарен автору за то, что он помог мне шире взглянуть на Снесарева и ещё глубже почувствовать, как прекрасен и значим Воронежский край для России. Уверен, что маршрут по снесаревским местам будет на воронежской земле.

Когда я смотрю на звездное небо, оно мне кажется отражением потока истории. Фальшивые звезды падают в бездну тьмы и забвения, всплывают в памяти народной только для порицания и напоминания, что падший ангел не дремлет, плетет свои злокозненные сети для грешных и слабых душ, которым нужен свет праведников. А звезда Снесарева никогда не сойдет с небесного свода. Это «надежный фонарь» (одно из любимых выражений Андрея Евгеньевича) в сложной современной общественно-политической жизни. Снесарев удивительно современен. В его свете, то есть на примере его жизни и мыслей, удастся многое увидеть и понять. В этом, по моему мнению, заключается главный смысл данной книги о нем, написанной Виктором Будаковым.

*И. С. Даниленко,
доктор философских наук, профессор,
заслуженный работник науки РФ,
руководитель (2000–2007) научно-методического
центра отечественной военной стратегии
им. А. Е. Снесарева Военной академии
Генерального штаба Вооружённых сил Российской Федерации*

ПРЕДВАРЯЮЩАЯ СТРОКА

Имя Андрея Евгеньевича Снесарева впервые я услышал ещё в школьной юности. Но так случилось, что лишь годы и годы спустя узнал о своем земляке всерьёз, из первых уст, когда в начале семидесятых прошлого века встретился с его дочерью – Евгенией Андреевной Снесаревой. На моё счастье, как и на счастье всех, кто общался с нею, природа щедро одарила её удивительной доброприветливостью, сердечностью, душевной открытостью; всем своим существом излучала она готовность к собеседованию, отклику, состраданию. Словно посланница старых добрых времён и того русского мира, где достоинство и честь, скромность и совесть были неподкупны, непоколебимы, величавы во всех испытаниях. Свою жизнь она посвятила изучению отцовского наследия, извлечению из забвения его имени. Часто, глядя на нее, неустанную в трудах, я невольно думал о том, какой необозримый русский материк ушел под воды «взбаламученного моря»; и все же многое могло бы уцелеть, найдись в каждом русском роде, не до конца иссеченном и вырубленном, такие, как Евгения Андреевна, беззаветные собиратели и хранители отечественного и отчего наследия. На протяжении почти трёх десятилетий всякий раз, приезжая в Москву, я находил в её доме гостеприимный кров, находил ответы на любые вопросы об её отце, вёл записи, надеясь когда-нибудь сказать своё слово о земляке. Мы исходили все московские уголки, где Снесарев учился, жил, работал. Меж моими приездами в Москву Евгения Андреевна слала мне на воронежский адрес письма, свои воспоминания в больших, из плотной коричневой бумаги конвертах.

Побывал я и в других местах, куда судьба забрасывала моего земляка, – не только в станицах бывшей Области войска Донского, где протекали его детские и юношеские годы, но и в Санкт-Петербурге, Ташкенте, Киеве, Царицыне, Смоленске, Вильнюсе, Берлине, Риме, в Карпатах, на Соловках...

Иногда я писал о Снесареве, его работах, о подвижничестве его дочери Евгении Андреевны, но всё это было между прочими делами, чаще всего без должной глубины, в очерковом поверхностном стиле, в духе эпохи, обходящей кровоточащие вехи и штрихи отечественной истории. Книги моей о своём отце Евгения Андреевна так и не дождалась. Но когда её не стало, я с горечью понял, что обещанная и ненаписанная книга – среди главных моих нравственных, человеческих неоплат.

Так что это повествование не только посильное слово о великом земляке, но и запоздалая дань благодарности его дочери – замечательной подвижнице, прекрасной русской душе.

Даты до 1918 года приводятся по старому стилю. Орфография и пунктуация цитируемых текстов приближены к современным. Особенности цитируемых текстов (подчёркивания строк, отдельных слов, графические знаки) в большей части не воспроизводятся. Устаревшие географические названия оговариваются частично.

Виктор Будаков

КНИГА ПЕРВАЯ

ПЕРЕПУТЬЕ

Метафора судьбы – curriculum vitae

«Клим! Думаю, что можно было бы заменить Снесареву высшую меру 10-ью годами. И. Сталин».

В этой краткой, как летящая стрела, тринадцатисловной записке из трагического тридцатого провиденциально пересекаются три имени, по-разному, но весоמו прочертивших свои пути на скрижалях Отечества. К той поре Иосиф Сталин – «полудержавный властелин», генеральный секретарь ВКП(б). Клим Ворошилов – наркомвоенмор СССР, властный над солдатами и матросами «на суше и на море». Андрей Снесарев – лубянский, бутырский узник, не столь давний начальник Академии Генштаба, военный мыслитель и стратег.

Но до той короткой записки ещё далеко...

Багровел ноябрь семнадцатого года. Рушилась не отдельная жизнь – рушилась исполинская держава. Судьба отдельного человека и судьба государства узловато переплетались. Две силы: традиционно-созидательная и революционно-разрушительная – противостояли друг другу. Одна в жертвенном противостоянии пыталась сохранить устои Отечества, другая, будто кроваво-красная лава, затопляла необозримое крестьянское поле страны, ломая российскую жизнь.

Кто же он был теперь? Кто был теперь генерал Снесарев? Полководец без войска? Учёный без научной аудитории? Государственный муж без государства?

Исходивший и объехавший далекие земли и моря, он медленно брёл заснеженной окраиной Острогожска, уездного городка Воронежской губернии, и ловил себя на мысли, что ему хочется попасть туда, где более полувека назад он издал первый младенческий крик. Желание вполне исполнимое в иное – мирное, более спокойное время: его родная донская слобода Старая Калитва располагалась в сотне с небольшим верст отсюда, она была Острогожского уезда.

Старая Калитва, что он помнил о ней?! Затравелый, под вечными ветрами холм, откуда радостно было ребёнку глядеть на убегающие вдаль луга, а за ними шлем Мироновой горы, на морщинистый от ветра синий Дон и тёмный задонский лес. Но воспоминаниями не спастись. Спасти? Нет ли в этом нечаянном ощущении чего-то безысходного, трагически неотвратимого?

Мысль о спасении является грешному миру, когда к нему уже подбираются сполохи карающего огня – небесного или inferнального.

Можно, разумеется, попытаться взглянуть в грядущее. Пусть не в своё одиночное, но в грядущее одной семьи. А значит, и родины. Но думать о будущем – не накликать ли чёрные молнии? С той поры, как разразилась эта нескончаемая война, как только ни называемая: мировая, отечественная, всенародная, праведная, священная или же империалистическая, германская, бессмысленная, несправедливая, позорная – он стал реже мыслями и желаниями искушать грядущее, понимая, что упредить его, тем более распорядиться им, сверстать его по-своему столь же невероятно, как если бы наползающую тучу искромсать и разогнать мечом, пусть даже изготовленным из дамаскской стали. Снесарев в одном из окопных писем признавался жене: «Я стал ещё суевернее, чем был. Избегаю говорить о будущем».

Но и настоящее – словно бы русская дорога в пропасть. Страна ожесточалась. Вьюжило беспрерывно. Перемело все дороги, и человеческая жизнь – снежинка в поле. Вихрями, ураганами войны и революции метёт миллионы этих снежинок с тыла на фронт, с фронта в тыл, из деревни в город, из города в деревню. Вот и «путешествие из Петрограда в Острогжск» его семьи – в надежде переждать лиховеменье в городке на Тихой Сосне – словно путешествие из теперешней порушенной жизни в жизнь, ещё недавно складную, равноденственную. Но и на Тихой Сосне тишины нет. Не предсмутье, не послесмутье, а дикая смута. Разлад и распад. Разрушение и гибель. Власть их не только в столицах.

Сиротливо маячила за лугом церковь, невдалеке угадывалась река: в белой пойме стлыла серая полоска камыша. «Там, где волны Острогжи в Сосну Тихую влились...» – вспомнились уместные строки. Подумал о Рылееве, поэте-декабристе (век назад тот обретался в Острогжске по военной надобности), о его несчастных, незадачливых друзьях: дети Отечества. Но... фронда и заёмный запал? «Сотня прапорщиков, надумавших изменить образ государственного правления...» Как тут не согласиться с Карамзиным, Чаадаевым, Хомяковым, Грибоедовым, холодными глазами взглянувшими на декабрьский мятеж. «О жертвы мысли безрассудной...» – Тютчеву ли не верить: он и Европу, и Россию видел и чувствовал на века вперед! Вышли они на Сенатскую площадь, не очень ясно понимая зачем и всё смешав в воспалённом воображении: революцию, конституцию, монархию, республику, французские, европейские свободы, далёкие от свободы истинной, свободы христианской. Их на Сенатской площади пытался увещевать дальний его, Снесарева, родственник, пастырь и историк Болховитинов. Да какое там! Поборники славянства убили храбрейшего из славян, героя Отечественной войны 1812 года Милорадовича; всё в тот же день закончилось.

Но конец обозначил новое начало. И чаемая ими Россия, теперь ошастливленная конституцией, революцией, республиканскими лжесвободами, вот она – как женщина, потерявшая всякий стыд, и разномастные разбойники терзают её от царского дворца до крестьянской

избы. А ведь надеялись рылеевские друзья на лучшее для России. Искренние и тщеславные ее дети. Слепые и поздно прозревшие дети Родины.

И подобно тому, как Сенатская площадь в декабрьский день резко делила жизнь декабристов на до и после, так и семнадцатый год разламывал его, Снесарева, жизнь на прожитую и ещё не прожитую, полную тревог и неизвестности. Во времена разрушительно действующих масс отдельный человек, словно затерянный на стылом косогоре и терзаемый ветром надломанный куст, того и гляди, вовсе сломается.

Позади трагический, высокий и низкий, славный и бесславный, радостный и печальный опыт человечества, сотканный из великого числа отдельных судеб. И его судьбы тоже. В этот стылый день с редкой степенью яркости прошли перед ним разно хранимые в душе географические вехи его судьбы – Область войска Донского, станицы Камышевская, Константиновская, Нижне-Чирская, Новочеркасская гимназия, Московский университет, военное пехотное училище, Санкт-Петербург, обучение в Академии Генерального штаба, служба в Туркестанском военном округе, многомесячная экспедиция в Индию. Цейлон, Суэцкий канал, Константинополь. Вновь Туркестанский военный округ, Памир, Афганистан. Снова северная столица, служба в Академии Генерального штаба. Лондон, Париж, Вена, Берлин, Мюнхен, Цюрих, Афины, Рим, Венеция, Флоренция – служебные поездки. Конгресс ориенталистов в Копенгагене. Трехмесячное пребывание в Гельсинфорсе. Армейские будни на западной, от Каменец-Подольска до Вильно, границе. Командование полком, дивизией, корпусом на землях былой Червоной Руси, участие в Галицийской битве, победном Луцком прорыве... Исходил многие страны, написал тысячи научно-геополитических, военных, публицистических, педагогических страниц. Изучил около полутора десятков живых и мёртвых языков. Участвовал в десятках сражений, боёв – верных семьдесят пять!

Семнадцатый год словно бы отменял прошлое. И невозможно было углядеть что-либо явственное в будущем. И опять его мысли вернулись на малую родину, в Старую Калитву. Образ её тем более нетрудно было представить, что далеко видимый с приберегового склона острогожский луг и широтой своей, и лозняками, купами верб на нём, и противлежащим взгорьем так напоминал луг калитвянский. Первый луг раннего детства.

Калитвянский, «снесаревский» луг раннего детства, холмы над Доном, который сизым потоком величаво уходил в неохватную даль, тучные, вороньего крыла черноземные поля, леса и яры – всё это было исхожено в детстве и автором, пишущим эти строки.

Да и за горизонтами единого для нас края ничего не надо было додумывать и сочинять, поскольку жизнь его, от первых сознательных шагов до последних, имеющая все черты романной завлекательности, восходяще ясна по главной мысли, по отсутствию шараханий, метаний, измен (цитируемые в книге строки его дневников и писем – тому строгое

свидетельство) – она есть служба, или, прибегая к более высокому и точному слову, служение чести и совести, родному краю, семье, Отечеству, Богу.

СТАРАЯ КАЛИТВА – МАЛАЯ РОДИНА 1865–1870

Метрическая книга Острогожского уезда, слободы Старой Калитвы, Успенской церкви за тысяча восемьсот шестьдесят пятый год сообщает: «Декабря первого рождён и второго крещён Андрей. Родители его: священник Евгений Снесарев и законная жена его Екатерина Ивановна, оба православные...»

В тот год являются события, имена, страницы, немало значимые в духовно-культурном и геополитическом бытии России и непосредственно в жизни уроженца Старой Калитвы – героя нашего благодарного исповедального рассказа. В январе начинается печатание романа Льва Толстого «Война и мир»; в феврале учреждается Туркестанская область, военный губернатор которой М. Г. Черняев через три месяца, возглавляя отряд в тысячу триста человек, с ходу, с короткого боя захватит Ташкент; в том же месяце, что и Андрей Снесарев, появится на свет Божий Василий Белавин, будущий патриарх Тихон, первый русский патриарх после Петровских церковных, а вернее, противоцерковных нововведений, настрадавшийся теперь уже от большевистских богоотметающих начинаний.

В соответствии с движением времени-истории, представляемым в образе то маятника, то цикла, то спирали, то стрелы, а скорее всего непостижимым, вообще не поддающимся человеческому определению и пониманию, менее чем через полтора века, на перетоке тысячелетий, Туркестан, словно обрезанный огненной пилой, отвалится от айсберга северной державы; страстотерпца Тихона канонизируют, а великую «Войну и мир», переведённую почти на все языки мира, втиснут на дискеты-стоминутки, необъятное содержание романа упростив в американском темпе до беглого пересказа, ибо даже русские студенты и учащиеся перестанут читать родные, великие, мнившиеся вечными книги.

1

По одну сторону Старой Калитвы – Нижний Карабут, по другую – Новая Калитва. Большие родственные сёла-слободы, в восемнадцатом веке основанные украинскими поселенцами с Полтавщины да казаками Острогожского полка. Не столь старинные сёла. На много столетий моложе хазарского городища, что глухими, глубокими рвами напоминает о себе на лобастом приречном холме неподалёку от Нижнего Карабута. От него же вблизи на крутоломных кручах гнездятся реликтовые сосны и берёзы, в совокупности нигде больше в европейских землях невиданные. Знобкой ранью седых времён веет от них. Древностью и вечностью дышит тихий Дон, по правобережью которого и раскинулись три слободы-сестры.

И здесь требуется отступление более полное – как весеннее русло. Ибо Дон в жизни Андрея Евгеньевича Снесарева – самое раннее и сильное впечатление. И для его родной слободы Дон был живой страницей памяти и судьбы. Разумеется, не всякий, привычно бросая взгляд на ковыльный курган или на синюю стремнину, непременно погружался в древность или бы мысленным взором проникал далёкие излучины, по которым плывут из Москвы в Царьград церковные и государевы посольства, вверх-вниз снуют разинские и иные повстанческие струги, устремляются к Азовскому морю военные флотилии Петра Первого. Но для всех здешних поселенцев Дон был и водный путь, и рыбный стол, и зелен луг, и тёмен лес. Жизнь выстраивалась у донского берега.

И не только Старой Калитвы и ещё россыпи близких, вперемешку заселённых русских сел и украинских слобод. Как на ладони видимые левобережные – Казинка, Ольховатка, далее на разных отрезках горизонта – Николаевка, Гороховка и правобережные – Нижний Карабут, Кулаковка, Терновка, Новая Калитва, Новая Мельница... Дон – река всемирной известности, бесконечно значимая в историческом бытии многих родов, племён, целых народов. Река удивительная даже геологически: держала курс на север, а затем вывернула на юг. Дон – Танаис... Из смутно угадываемой дали восходят первые упоминания о нём – суровые, загадочные, полуфантастические. О нём – сказания скандинавские, о нём – предания греческие и римские. Он в строке Геродота и Страбона, Эсхила и Аристотеля, Сенеки, Овидия, Горация. Он реален и мистичен. Для одних он в те отдалённые времена – гиперборейской стужи концесветный край, который «покинули люди и боги», для других – сын Океана, Великий поток, грозная скифская река, европейско-азиатский рубеж, граница двух материков. Для третьих он – сама жизнь. В разные времена его обживают то скифы, сарматы, меланхлены, будины, то авары и хазары, то печенеги и половцы, то, наконец, славяне.

Без малого две тысячи километров протекает Дон по русской земле, он в истории нашего Отечества и нашей культуры – явление бесконечно более глубинное, нежели глубина самой реки, равно как и глубина знаний о ней. Более десятка раз, чаще с эпитетом «великий» упоминается он в «Слове о полку Игореве» – славянской «Илиаде», повествующей о трагической попытке русских княжеских дружин усмирить половецкую степь, «испить шеломом Дону», обезопасить поле меж великими водными путями.

А двумя веками позже меж Доном и Непрядвой, на поле Куликовом, – тяжелейшая, на грани поражения победа, всё же победа, после которой Русь поверила в свое возрождение-предназначение: поднялась как евразийское образование. И вновь историческому пласту сопутствует пласт художественный: «Задонщина», «Сказание о Мамаевом побоище», романы, стихи, картины о Куликовской сече, где были явлены нераздельно небесный крест Сергия Радонежского и земной меч Дмитрия Донского.

Грозно, библейски-незабываемо звучат навеянные неслыханной битвой строки старинных повествований: «Припахнули к нам от быстрого Дону

поломяные вести, носяще великую беду» – «Задонщина»; «Основание земли сдвинулось от множества сил», – вторит «Задонщине» Летописная повесть о побоище на Дону; «И сошлись грозно оба великих войска, жестоко друг друга уничтожали... В единый час, в мгновение ока, о сколько погибло душ человеческих, созданий Божиих», – оплакивает погибших «Сказание о Мамаевом побоище».

А ещё было и сложно сохранилось в народной памяти Петровское «великое корабельное строение», не жалевшее ни рощи сосновой, ни жизни человеческой; гулкое русское завершение семнадцатого века, когда сотни галер, брандеров, галеасов, стругов, спущенных на воду с воронежских верфей, от стен Воронежа брали курс вниз по Дону к стенам турецкой крепости.

Дон – исторический выбор народа, столетиями осваивающего его берега и прибрежные земли, – русского, украинского крестьянства. И, конечно же, казачества! Казачьи воля и неволя, слава и бесславие проистекают отсюда. Имена, всей России известные, Ермак, Разин, Булавин, Пугачёв, Платов... Скорбная участь донцов в братоубийственной Гражданской войне. Жестокая поделённость на красных и белых. Изуверское рассказывание. И опять породнённость трагической истории и высокого искусства: разлом казачества в гражданской смуте и суровое эпическое полотно об этом – «Тихий Дон».

Нет, не тихим оказался Дон для значительной части русского народа на долгой дороге столетий. Для многих он личное переживание, а судьба реки что судьба родины. Державин в своём знаменитом «Памятнике» изо всех рек Российской державы называет четыре: Волгу, Дон, Неву, Урал. Дон – в строке Пушкина и Лермонтова, Кольцова и Никитина, Бунина и Блока, Есенина и Твардовского. В булгаковской «Белой гвардии» находим слова: «настоящая сила идёт с Дона».

Народ сложил целый песенник про Дон-батюшку, который «замутился-возмутился...» и всё же ясен и прекрасен. Река у народа течёт через всю его жизнь, она не только страда, кормилица, но и песня сердца, радость и печаль души, поэтическая стихия, духовная глубина «живой воды».

Выдающийся отечественный мыслитель Василий Розанов назвал Волгу русским Нилом, не смущаясь ее женским именем. Не вернее ли назвать Дон, Днепр и Волгу – совокупно славянским Нилом? На их берегах едва не вся наша восточнославянская история, наша открытая миру культура. Берега дышат веками и эпохами, вздымаются равнодушно и загадочно молчащими курганами.

Когда Снесарев в раннем детстве впервые с придонского кургана увидел величаво уходящий за горизонт Дон, он, разумеется, не знал прошлого великой реки. Не мог предвидеть и её будущее: как через несколько десятилетий Вторая мировая война выйдет к Дону, и его берега на сотни вёрст в течение полугода изрежет фронтовая черта, рубеж двух враждебных, почти вселенских масс, и на донских берегах будет вырыто столько окопов, сколько никогда ни на каких иных берегах и ни у одной реки мира! «Удержались ли наши там, на Среднем Дону?» – прежде всего спрашивает у

живых погибший и от имени погибших в знаменитом стихотворении-реквиеме Твардовского. Разумеется, ребёнок еще не мог почувствовать Дон как явление историческое, духовное, геополитическое, наконец. Но Дон – действительно всемирный геополитический поток – мог пробудить некие «геополитические» импульсы при первом взгляде на задонские дали.

2

Поселилась семья Снесаревых в Старой Калитве в 1863 году. Незадолго перед тем отец будущего ученого окончил Воронежскую Духовную семинарию и вскоре, переведённый из Бирюченского уезда в Острогожский, был определён служить в Успенскую церковь Старой Калитвы.

Евгений Петрович Снесарев, при рождении нареченный по имени своего двоюродного деда Евгения (Болховитинова), митрополита Киевского и Галицкого, духовного пастыря и историка, был человек широко образованный, весёлого, общительного нрава, добродушен и доброприветен, даровит, высоконравствен. Жена его, урожденная в духовном сословии Екатерина Ивановна Курбатова, тоже была женщиной редкой – истовая хранительница домашнего очага, труженица, певунья. По счастью, эти лучшие родительские дарования передались и старшему сыну. И остальных детей: Надежду, Лидию, Клавдию, Анну, Веру, Павла, рано умершую Марию – Бог не обделил добрыми задатками.

Ещё за несколько десятилетий до приезда семьи слобода называлась городом Старая Калитва. Громкое название, оправданное разве тем, что тогда здесь размещалась уездная власть. Уездному центру надлежало соответствовать и внешне своему статусу. Так появилось несколько каменных зданий в ожерелье хат-мазанок, глиняных и деревянных домишек.

Снесаревы жили в деревянном трёхкомнатном, лет за десять до их приезда построенном доме при Успенской церкви, на косогорном спуске к лукам – так и поныне называют здесь луга в широкой долине Черной Калитвы, близ впадающей в Дон.

Пойма с богатейшими сенокосами, летом отсюда тяжело гружённые воловьё везы развозили по ближним и дальним слободам первые укусы и раннего сена и поздней атавы, корма хватало до следующего лета. Но были в широколужье низины, заросшие дурнотравьем, мочажины, болота и приболотца, и на заре советской власти и своей туманной юности губернский мелиоратор и не за горами великий писатель Андрей Платонов намеревался «подправить» петлистый курс Черной Калитвы и её пойменные неудобья.

Главная ценность в доме Снесаревых – тёмно-вишнёвого цвета вместительный шкаф, сверху донизу заполненный книгами, по большей части – духовными, богослужебными, богословскими. Евангелие, жития святых, труды первых отцов Церкви. Ещё детские издания. И едва не половина шкафа – книги о путешествиях в дальние невиданные земли. За этими книгами священник мог просиживать часами. Ибо путешествия по белу свету были его заветнейшим желанием. Отец Евгений мечтал побывать

далече от родных губернских мест, чаще других стран он называл Японию, у него даже подобралась японская керамика и хранилась в доме картина с видом Фудзиямы. Впоследствии старший сын, одолевая суровые хребты Памира, спускаясь в индийские долины, не раз вспоминал отца, в своём воображении неутомимого путешественника, не побывавшего даже за пределами среднерусской полосы.

Настольным же являлось издание не про Страну восходящего солнца или иные заморские страны, а «Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии, собранное из историй, архивских записок и сказаний» Евфимием Болховитиновым. Читал и перечитывал это издание о. Евгений едва не чаще других, находя в книге знаменитого родственника сведения о городках и сёлах, расположенных по Дону; и о Старой Калитве – тоже. В сущности, это было одно из первых, если не первое исследование, явившее многомерный комплексный подход к истории и текущей действительности родного края, своего рода азбука и «дозорная книга» российского краеведения.

Калитвянское служение оказалось не столь долгим: в 1870 году священник Снесарев направляется в Коротоякский уезд.

Выходит, будущий учёный, военный деятель, геополитик прожил в Старой Калитве не более пяти лет. Вроде бы малые годы, да и не главные, во всяком случае, не в этом возрасте человек совершает и большие подвиги, и большие проступки. И всё же... Лев Толстой даже посчитал необходимым сказать о благодетельном, основополагающем значении для личности младенческих, раннедетских лет: «Разве не тогда я приобретал всё то, чем я теперь живу, и приобретал так много, так быстро, что во всю остальную жизнь я не приобрел и одной сотой того? От пятилетнего ребёнка до меня только шаг! А от новорождённого до пятилетнего страшное расстояние».

Пять прожитых в Старой Калитве лет – в чём-то решающие. Здесь Андрейка впервые увидел улыбку матери, изумился солнцу и цветку, сделал первые шаги по земле. А ещё услышал родимую речь, почувствовал певучее славянское слово, заговорил им. Здесь глаза и душа потянулись к Небу, вечному и непостижимому. И здесь же, под сводами Успенской церкви – перед образами, перед свечами – впервые услышал он слово отца о Спасителе.

Через полвека под теми же церковными сводами его земляки, крестьяне, издёрганые неутомимыми отрядами подразвёрстки, под свечами и колоколами призовут бывшего красного командира Ивана Колесникова, родом из Старой Калитвы, возглавить отряд справедливого отпора, и колесниковское восстание запольхает вполгубернии, смыкаясь с антоновским на Тамбовщине. Но до тех жестоких времён – ещё крепкая, хозяйственно устроенная жизнь его родной слободы и его счастливые дни, где каждый день как вечность.

И было радостно мальчику видеть Тупку – глубокий и широкий, на долгие километры овраг, который начинался у самого Нижнего Карабута и ранней весной бурлил талыми водами, в конце апреля недели две полыхал

белым пламенем цветущих вишен и яблонь (вишне- и яблонецветный запахи доносились до главной улицы даже тогда, когда кроны уже отцветали), летом манил краснобокими плодами, а зимой лежал в глубоких снегах, как под сказочным белым одеялом.

А ещё всякий раз, когда он после сна в утренний час выбегал на крыльцо, открывались ему раздольные луки, а на избые их, словно непоручимая стража их, Миронова гора – она величаво вздымалась в семи верстах, у впадения в Дон Чёрной Калитвы, и притягательно манила, такая далёкая и такая близкая. Ему хотелось побывать на самой её вершине, но далее косовичного луга дорога не выпала, и осталась Миронова гора на краешке памяти, изредка лишь мысленному взору являясь.

3

На пыльной дороге подобрал он подкову, надеясь её сохранить. За свою жизнь не одну дюжину подков увидит он, а то и подберёт. Особенно на фронтовых полях и дорогах. Подковы массивные и легкие, семижды в огнедышащем горне прокалённые и наспех изготовленные, спавшие с копыт коней азиатских и европейских пород – ахалтекинцев, дончаков, ростопчинских, орловских рысистых и австрийских, венгерских, прусских. Обычно в штабных землянках и скоростроенных домиках он приколачивал над дверью подобранные подковы – на счастье, которое каждодневно заключалось в том, чтоб достойно прожить день, не упасть скошенным пулей или осколком при наступлении, при отступлении; и едва не всякий раз он видел перед глазами ту блескучую, кривоскошенную, выщербленную, что нашёл за околицей Старой Калитвы на мучнисто-пыльной дороге к Дону и зарыл в саду под чёрной, обломанной, молнией обугленной грушей, надеясь однажды вернуться и извлечь из тайника подкову, которая принесёт всем людям счастье.

Дон – великий водный путь – звал его вдаль.

И СНОВА ДОН, КАЗАЦКАЯ РЕКА 1872–1875

Семь лет в Старой Калитве священник Снесарев был и настоятелем Успенской церкви, и помощником наставника в сельском училище. За труды свои был удостоен набедренника.

А осенью 1870 года ревностного, толкового священнослужителя направляют окормлять паству в Козмодемьянскую церковь села Ураково соседнего с Острогояжским Коротояжского уезда. Однако пробыл он здесь недолго. В духовном служении, как на военной службе: наладил дело в одном приходе – другие приходы ждут. И уже в феврале 1872 года он – Области войска Донского настоятель Христорожественской церкви. А вскоре и преподаватель приходского училища, где пройдёт обучение старший сын Андрей.

Станица Камышевская – самая сердцевина первого Донского округа. Степь – сокровенная мать станицы. Степь, может, не такая тучная, как вокруг Старой Калитвы, но просторная, в дали дальние открытая и ветрам каспийским и когда-то набегам крымским; та полынная, тревожная «лазорева степь», про которую сын Донщины, создатель «Тихого Дона», родившийся сорок лет спустя после Снесарева, воскликнет: «Родная, казачьей, нержавеющей кровью политая степь!».

Горизонт широк. И Андрейке, Андрюше, Андрею всего семь лет. И всё впереди!

Поповский дом – неподалёку от Дона. Добротный, двухэтажный, с железной зелёной крышей, высокими окнами и большим квадратным балконом, выходящим во внутренний двор. На балкон заглядывает белая акация – единственное дерево во дворе, который гол, как плац, и отделён от сада плетнём и летней кухней. На балконе отец часто отдыхает в одиночестве, и особенно нравится ему час-другой покоротать здесь с детьми – непоседливыми, звонкоголосыми, а когда он вслух читает, стихающими и внимательно слушающими. В них он души не чаял, и принятая в дом в помощь матушке на хозяйствование казачья вдова Матрёна по отцу Васильевна, она же в детском прозвище бабка Ляпка, не раз, бывало, говаривала отцу Евгению, когда он занедуживал: «Тебе, батюшка, болеть никак нельзя! Вон какие подсолнушки подрастают, не дай бог помрешь, на кого их оставишь?» Отец Евгений отшучивался неизменно, мол, есть Господь, да и Матрёна свет-Васильевна не даст им пропасть.

Среди прихожан – немалая часть из нерадивых, трудных, упрямых: местный народ, должный быть паствой его прихода, или ходил в ревнителях староотеческой, дониконианской веры (даже радушно принятая в поповском доме вдова Матрёна исповедовала старообрядческий канон), или вовсе, как соседние калмыки, пребывал невоцерковленным. Для Православной Церкви это была непрестанная душевная забота ещё со времен святителя Митрофана, первого епископа Воронежской епархии, духовная юрисдикция которой распространялась аж до Азовского моря. Как бы то ни было, о. Евгению удалось крестить до трёхсот калмыков. Да и старообрядцы не почитали за грех бывать под сводами Христорождественской церкви.

А в доме – хорошее книжное собрание, перевезённое из Старой Калитвы и основательно пополненное в станичном крае. В особой чести – труды о. Иоакима Бичурина, главы русской духовной миссии в Китае в первой четверти XIX века, выдающегося ориенталиста, учёного-синолога, члена-корреспондента Российской академии наук. Некоторые его сочинения, в частности, «Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение», «Статистическое описание Китайской империи», «Записки о Монголии», о. Евгений любил читать с карандашом в руках: они предоставляли замечательную возможность почувствовать душу Востока, совершить мысленное путешествие по азиатским далеким землям, близким к Японии, с молодости его неудержимо влекшей и притягивавшей. Митрополит

Ростовский и Новочеркасский, поближе узнав о Евгения, благоволил даровитому и ревностному в духовном служении батюшке. И, наверное, состоялась бы его духовная миссия в Страну восходящего солнца, если бы не ранняя его смерть. Владыка после немало помогал осиротевшей снесаревской семье, благодаря ему дочери о. Евгения смогли учиться и окончить Царскосельское епархиальное училище.

В весенние и летние часы о. Евгений вместе с сыном Андреем находили себе радость и дело в домашнем саду. Троица копьевидно устремлённых ввысь груш, дюжина яблонь, богатый вишенник, густой терновник, кусты калины, неизменной спутницы казачьей жизни, – это была поистине благословенная пядь. «Маленький Эдем», как называл свой сад о. Евгений. По весне всё здесь цвело и благоухало, ровный мягкий гул исходил, казалось, из каждой ветки: в саду была небольшая пасека. И пчёлы словно бы радовались весне: эти маленькие трудницы лишь к темноте завершали дневные хлопоты. Заниматься пасекой издавна было принято в духовной среде, пасеки заводили многие священники, большими пасеками владели монастыри. Когда судьба забросит Андрея Евгеньевича в ссылку на Соловки, он узнает, что даже там, за Полярным кругом, монахи выращивали яблони и вишни, разбивали цветники и пытались разводить пчёл. И тогда он вспомнит слова, впервые услышанные от отца в станице Камышевской: «Нет места, на котором нельзя было бы принести пользу, совершить благое дело». А в те детские дни Андрейка охотно помогал отцу на пасеке, его часто можно было видеть в белом длинном халате, с дымарём в руках – он окуривал пчёл. Когда отец вынимал из улья рамы с янтарными сотами, Андрейка наблюдал за встревоженным ульем, тот представлялся ему каким-то особым государством. Мирной страной, вынужденной обороняться. И пчёлы представлялись ему тружениками и воинами, готовыми пожертвовать собою, но сберечь улей – родину свою и свою «молодь», свою скоробудущую смену.

2

А иногда отца и сына до позднего часу удерживала река с берегами, глухо заросшими лозами и столь чащобными камышами, что, может, при виде их первым поселенцам и явилась мысль назвать свою станицу Камышевской. И отец, и сын были, правда, рыбаками не из удачливых. «Ловись, рыбка, большая и маленькая!» А она никакая не ловилась, хотя Дон в те поры был изобилен всякой рыбой, и у Даля в его знаменитом словаре уже подобралась строка о редких рыбах вроде вырезуба, которые водятся по преимуществу в Дону да его притоке – Воронеже. Казаки умели рыбу и ловить, и беречь. В весенний разлив, спуская челны на воду, обматывали лопасти вёсел ветошью, чтобы вёсла загребали бесшумно и не тревожили косяки рыб, идущих на нерест. Разумеется, донцы, сотоварищи священника по рыбалке, без рыбы в свои курени не возвращались, да и Снесаревых угощали сполна. И не какой-нибудь краснопёрой мелочью, а бывало, судаком, стерлядью одарят. С непременно приговорками, мол, щедрому Дону рыбы для казачьего племени не жаль, и им почему бы не поделиться с добрыми людьми.

Андрейке все казаки на рыбалке были милы, разве что вызывал лёгкую неприязнь всегда околачивавшийся возле них бессемейный казак Тараболкин, по прозвищу Табачок, – прокуренный, вечно под хмельком и вполне оправдывавший свою фамилию: он часами мог говорить без умолку, нимало не смущаясь своими повторами, разно звучащими, небывальщиной, понятной и ребёнку. Этот Табачок со временем зачастил в церковь и подолгу выстаивал у Распятия: видать, образ жизни о. Евгения и беседы со священником не прошли бесследно для веровавшего прежде разве что по большим церковным праздникам. Теперь не прочь он был порассуждать о Божественном, за разъяснениями почтительно обращался к о. Евгению и тут же с видом крайней озабоченности спрашивал у последнего, пойдёт ли и его сын по духовной части. «По духовной, – продолжал далее, – это спасительно для души, но надо ещё и Россию спасти, крепкий солдат и генерал нужен, вон сколько разноязыкого супостата на Севастополь давно ли навалилось, Крым чуть было не утянули за море, а сколько казачьей крови пролито за оный каменистый полуостровок».

Что за дивные дни выпадали в детстве! Синие, солнечные, полные надежд, радости, любви. И каждый день – что долгий месяц. Доставало времени задачи по арифметике порешать (в приходском училище, где преподавал отец, она Андрею поначалу никак не давалась, а затем словно всеми своими задачами и примерами враз разъяснилась) и иными уроками заняться; и детскую книжку про заставу богатырскую прочитать; и побывать у Бекренева колодца, окружённого купой раскидистых раkit, в тени которых у замшелого сруба присесть на поваленное бревно и о чем-то неясном подумать, помечтать.

А в субботние дни его с сестрёнками уводила к себе в гости бабка Ляпка, которая жила в маленьком белом курене на берегу безымянной речонки, совсем неподалеку втекавшей в Мечетку – речку, которую вскоре принимал Дон. Угощала просфорами. Затем расстилала овечью, с козьими рукавами шубу, прибауточно приглашая отдохнуть, «по козиночке поваляться».

Казачка-вдова знала множество старинных преданий, сказок, песен. Для Андрея и его сестёр она стала вроде пушкинской Арины Родионовны. Свои сказы сказывала она замечательно образным языком, как бы напевая их. Песни тоже звучали, особенно когда навещала бабку Ляпку соседка бабка Валичка, тоже вдова. Это только детям они представлялись пожилыми, а на самом деле каждой едва было за сорок, и были они женщины отцветающе красивые, певучие. Сохранившие верность своим мужьям, сложившим головы под Севастополем, и песни у них были соответственные: о любви заветной, о судьбе-разлучнице, о донском крае, куда казак уже не вернётся.

А в воскресные дни, ближе к вечеру, Андрей выводил из денника застоявшегося Улана, поджарого, в яблоках дончака, с сильными точёными ногами, готовыми, казалось, с места взять в карьер и скакать хоть до самого Черного моря. Десятилетний мальчуган взбирался на коня (за три года жизни в Камышевской он научился объезжать коней-трёхлеток под седло, мог управлять ими не хуже станичных ребятишек) и правил к донскому берегу.

Улан медленно ступал в воду. Медленно пил, вскидывая голову и грустно, словно по-человечьи вглядываясь вдаль. Раздавались близкие голоса казачек, стиравших в заводи белье, из-за дальней луки доносилось лошадиное ржание.

Будто испив живой воды, конь брал сильный разбег и выносил мальчика на высокий Птичий курган. В сухих стеблях прошлогодних трав, в дремлющих шарах перекасти-поля, меченный платиново-сизым ковылём да бисерным розоватым чабрецом, курган был сиротливо-печален. Но какой же простор открывался с его шлемовидного верха! Уходящий к морю Дон, раздольная степь, а на закатном западном горизонте вполнеба полыхает огромное, неправдоподобно малиновое солнце.

3

Словно заветная всезаботная наставница была мальчику станица Камышевская. И когда в сломном семнадцатом году станичный круг выберет генерала Снесарева, отважного воина с галицийских полей и прикарпатских холмов, почётным казаком станицы, он обрадуется этому как самому высокому знаку признания своей донской родины.

Молчал древний курган, и всё молчало вокруг в воскресный час заходящего солнца. Но издалека, из-за приречных низовий занялась, вздымаясь все сильнее, былинно-сильная песня, протяжная, многоголосая. Это была песня про тихий Дон, и мальчик уже не раз ее слышал, и с каждым разом она волновала всё неотразимее.

*Ой ты, наш батюшка тихий Дон!
Ой, что же ты, тихий Дон, мутнёхонек течёшь?
Ах, как мне, тиху Дону, не мутну течи!
Со дна меня, тиха Дона, студёны ключи бьют,
Посередь меня, тиха Дона, бела рыбаца мутит.*

Через шестьдесят лет Андрей Евгеньевич Снесарев, насильственно отторгнутый от общественной службы, откроет однажды одну из великих книг двадцатого века, и первыми, какие увидит, будут строки этой песни. И он явственно увидит себя маленьким конником на далёком кургане, и издалека, из безвозвратно ушедших годин зазвучит: «Ой ты, наш батюшка тихий Дон! Ой, что же ты, тихий Дон, мутнёхонек течёшь?»

А ОДНАЖДЫ СТАНИЦУ ЗАТОПЯТ 1875–1882

Старинная станица Нижне-Чирская, главная во втором Донском округе, располагалась у впадения в Дон реки Чир. Большая улица с отростками-переулками тянулась вдоль донского берега и упиралась в глинистое затравелое взгорье. Белые курени тонули в вишенниках и виноградниках, по

границам левад возносились, как исполинские стрелы пирамидальные тополя. За околицей – бахчи. Станица была богатой, с прогимназией, куда в 1875 году Андрей Снесарев поступил учиться и где проучился семь лет – самую пору отрочества и ранней юности.

1

Впервые он побывал в Нижне-Чирской еще раньше. Вскоре после того как семья обосновалась в Камышевской, отец взял его с собой однажды в воскресный день на ярмарку, какой Нижне-Чирская славилась. Она с первого же взгляда пленила мальчика: всё вокруг сверкало, переливалось, манило, источало вкусные запахи. Продавалась тьма всякой всячины. Особенно поразил его конный пятачок. Горделиво гривастые жеребцы, трепетно-чуткие кобылы, сторожкие стригунки какой только мастью не завораживали глаз – вороные, гнедые, буланы, соловые, мышастые, серые в яблоках... Больше всего было дончаков, пригодных казаку и в походе, и в борозде, и на торжестве, и на джигитовке. Позже он узнает, что кони донской породы с преобладающей золотисто-рыжей мастью – основная ударная сила русской кавалерии. Десятки тысяч конников – десятки тысяч сабель – на тех дончаках неотразимыми лавами устремлялись в сражения. Уже взрослым Снесарев поразится: офицеры и казаки на донских лошадях в жестокий двадцатиградусный мороз за одиннадцать дней преодолеют путь более чем в тысячу двести вёрст от Нижнего Новгорода до Санкт-Петербурга. Порадуется, когда узнает, что на Всемирной Парижской выставке 1910 года дончак будет признан лучшей кавалерийской лошадью. А тогда у мальчика просто глаза разбегались при виде множества коней, и все они ему казались одинаково хорошими: что аристократической игреневои масти жеребцы, что пегие, соловые трудяги, на ниве крестьянские савраски. Все они ему казались победительно вернувшимися с поля Куликова. И странно только было, что победителей продают.

На той ярмарке отец купил ему игрушечного раскрашенного человечка из проволоки и деревянных досточек. Поначалу игрушка понравилась, эдакая забавная: потянешь за нитку – человечек так и задергается весь. Ножками, ручками заснует, как живой. Но по дороге домой, мальчику стало жаль деревянного человечка: чувствовалось, что ему совсем не хочется исполнять якобы весёлый танец. Ему бы, наверное, хотелось отдохнуть, но приходилось повиноваться чужой воле. И мальчик почувствовал какую-то странную невольную вину, подобную той, какую он позже испытал, когда читал гоголевскую «Шинель». Вскоре игрушка затерялась в саду, и он о ней не жалел. Но всякий раз, когда ему вспоминалась первая в его жизни ярмарка, он видел, как смешно и жалко дёргается, снует ножонками, ручонками человечек, и тогда ему неизменно являлась мысль, что какая-то незримая и злая сила, помимо Божественной, правит многим в мире. И не свободны ни люди, ни кони, ни даже вещи. Даже убывающие реки и моря, теснимые леса и горы.

В станичной прогимназии учили основательно, учение занимало много времени, но Андрей не чувствовал скуки и усталости, тяжести ляжки. Разве что приходилось вставать с постели раньше, чем прежде. Учение ему давалось легко. Любимыми предметами были математика, древние языки, но прежде всего история и география. Большая карта тогдашнего мира над его столом была сплошь исчерчена красным карандашом: кружками, линиями, звёздочками, жирными точками были помечены города, реки, горы многих стран, где ему, видимо, по замыслу надлежало побывать: Памир, Гиндукуш, Гималаи, Карпаты и Кавказ, Чёрное, Белое и Каспийское моря, а за рубежами отечества самыми яркими метами были обозначены мировые столицы: Рим, Париж, Лондон. Подчас попадались и незначительные, на первый взгляд, географически заурядные места, но для гимназиста они, по-видимому, имели своё особое, только ему ведомое значение. Судьбе будет угодно распорядиться так, что во многих уголках, отмеченных на карте, Снесарев побывает.

Зимними вечерами, когда он ложился спать и сон не приходил, перед его глазами вживе вставали Канны и Фермопилы, поле Куликово и Косово поле, Аустерлиц и Бородино со всеми их узванными, а чаще воображаемыми подробностями. Он видел поля ушедших сражений по-разному: как полководец, отдающий приказы с высокого холма, и как безымянный ратник, кровью истекающий в самой гуще схватки, как наступающий и как отступающий, как командующий то с одной, то с другой стороны. Он был юный патриот. И на русских холмах желал победы русскому воинству. Но он был и психолог, и математик, он понимал уже, что историю не переписать. И, однако, не так, как свершилось в действительности, – по-иному, в воображении и на бумаге разворачивал панораму больших и малых битв, просчитывал, при каких обстоятельствах побеждённые могли бы победить, а победившие – потерпеть поражение. Он искал варианты исторической, военной, а возможно, и мудро-наивной народной справедливости.

Ему было пятнадцать – самое время дружбы, подвигов, любви. В дружбе ему покамест везло. С одноклассником Марком Черкесовым можно было не только противостоять задиристым сверстникам, объезжать норовистый конский молодняк, часами нарезать коньками замысловатые фигуры на зимней реке, взятой в плен ледяным панцирем. С Марком смело можно было идти в разведку и даже в атаку, не боясь, что друг прянет в сторону с общей опасной стези.

Они ещё несколькими годами назад тайно готовились для подвига и даже, может быть, героической гибели. Через двадцать лет после того, как Россия, разорвав жёсткий обруч Парижского трактата, накинутаый после Крымской кампании 1853–1856 годов (когда либеральные христианские Англия и Франция вкупе с нелиберальной и нехристианской Турцией да ещё вдовесок с королевской отнюдь не великой Сардинией одержали верх над Россией на берегах Чёрного моря), снова устремилась на Балканы и к турецким пределам, чтобы помочь болгарам и сербам, и верховная власть, и общество,

и народ были единокорны в патриотических настроениях. Почти не было мелкой борьбы мнений и в печати, пресса писала с должным воодушевлением о подвигах, без злоречивости – о мужестве русских солдат и их жертвенности. Только и разговоров было что о войне, генералах Столетове, Скобелеве, Гурко, Черняеве. У всех на устах были Плевна и Шипка. Под молебны и звоны колоколов казачьи эскадроны отправлялись на Балканы.

Андрей и Марк тайно готовились уйти туда же. Даже царь – на театре военных действий. На дунайской переправе. Уроки они забросили напрочь, продумали десятки вариантов, как быстрее и вернее добраться до Болгарии, а затем и Сербии. Перед самым их побегом на Балканы очередная русско-турецкая война победно для России завершилась.

3

Вполнеба зловеще вздымались багровые сполохи. Возвращались на Донщину искалеченные станичники, припадая к полынной степи, донским родникам. (А облюбованный друзьями-прогимназистами птицевонкий, лозами заросший донской островок был как маленький уголок идиллии в жестоком мире). Возвращалась с войны победившая Россия, в мирные дни теряя свой успех. В плоды победы вонзил зубы Берлинский конгресс, на котором Дизраэли, Бисмарк, австрийские, венгерские, французские политики, конечно же, не питая друг к другу совокупно сердечных, бессеребренических чувств, тем не менее поспешили усесться за один антирусский стол, чтобы разыграть очередную нерусскую карту.

Со всей ранимостью юной души воспринимая человеческое горе и людскую несправедливость, Андрей не по годам быстро вырос. И всё же солнце и радость, даруемые молодостью, вводили от горестного, скорбного. А первая влюблённость подвигала на первые стихотворные строки. Стихи он посвящал Лене Хопёрской, станичной кареглазой красавице с огромным голубым бантом в чёрной косе. Влюблены в неё были оба: и Андрей, и его друг Марк.

Жизнь распорядится так, что пути двух друзей надолго разойдутся, и встретятся они только через несколько десятилетий. На австрийском фронте. Всего на несколько часов встретятся друзья отрочества, и часы выпадут счастливые: без орудийного грохота, свиста пуль, необходимости отдавать приказы. За чаем переговорив обо всём, что творилось в душах, на фронте и в стране, они вспомнят свою первую влюблённость в далёкой донской станице и героиню своих первых воздыханий; вспомнят, как оба: Андрей, высокий, застенчивый, с тонким, выразительным лицом, с копной густых волос, и Марк, вечно улыбочивый, с лицом в веснушках, перепелино-крапчатым, с огненно-рыжими волосами – в воскресные дни, до полуночи гуляя по Нижне-Чирской, будто ненароком сворачивали к дому их Елены Прекрасной; вспомнят, как станица в холодном лунном свете словно бы покоилась на дне сказочного озера, а над нею в вечерней выси нечёткими треугольниками в сопредельные края тянулись журавли. И жизнь представлялась бесконечной.

Через семьдесят лет после того, как они завершат курс Нижне-Чирской прогимназии, станица скроется под водами устроенного большевистской властью Цимлянского водохранилища.

СТОЛИЦА ВОЙСКА ДОНСКОГО 1882–1884

Недолгие годы учения в Новочеркасской гимназии выдались для Андрея Снесарева трудными. Уходила его ранняя юность, надвигалась взрослая жизнь. Радость от поступления в гимназию всё еще омрачалась тягостной утратой. Молодым, сорока пяти лет, умер отец, который был для сына всем: наставником, другом, единомышленником. Отец приехал в соседнюю с Камышевской станицу Мариинская на именины своей старшей дочери Надежды, бывшей замужем за местным казаком Гаврилой Солдатовым. После обеда о. Евгений присел на диван и мгновенно скончался от сердечного приступа. Все вёрсты, сколько их есть от Мариинской до Камышевской, казаки несли его на руках – любили и почитали батюшку в округе.

1

Сын тяжело пережил смерть отца, несколько дней почти не отходил от могильного холмика и подолгу плакал, как ребёнок. Тогда он впервые подумал о том, что из русской жизни медленно уходит целое сословие – духовное сословие, уходит необратимо, как дерево роняет листья в осеннее лихопогодье. Сыновья уходящих жадно читают революционные книги. Да если б только читали, писали их! Многие спешили в ниспровергатели. Какое там не укради, не убий, чти отца и мать! Разумеется, и уходящее – остаётся. Достойные имена из духовносословных – во всех отраслях отечественной жизни: поэт Третьяковский, писатели братья Успенские, Мамин-Сибиряк, Левитов, литературные критики Надеждин, Страхов, художники братья Васнецовы, учёные почвовед Докучаев, историки Соловьев, Ключевский, Коялович, Ламанский, не говоря уже о сфере духовной, в которой служительствовали большие умы и сердца, оставившие благотворные следы и на других поприщах, как тот же Болховитинов. Или позже – о. Сергей Булгаков, о. Павел Флоренский.

Горе горем, а жизнь жизнью. Андрей Снесарев рос среди крепкого, испытанного народа и хотел как можно глубже узнать историю казачества, почувствовать, понять тот казачий первопроходческий дух, который вывел Русь (Россию) к берегам Тихого и Ледовитого океанов.

В свободный от гимназических занятий день из Новочеркасска он на парходике добрался до Старочеркасска – в недалёком прошлом столицы донского казачества. Долго осматривал собор Воскресения Христова, массивностью похожий на замок, сооруженный ещё в начале семнадцатого

века. Боковые коридоры, строенные для защиты собора и всей станицы-столицы, тускло освещались сквозь узкие окна, из которых когда-то в донской, полный опасности простор взглядывались и целились казачьи пушки.

В соборе душа благоговеет: царские врата из литого серебра, старинный многоярусный иконостас, иконы в золотых, серебряных окладах, а иные – безокладные – захватывают душу ещё глубже. Здесь икона «Сошествие в ад», пожалованная царём Алексеем Михайловичем, икона времён Ивана Грозного, на которой непривычно юным запечатлён Иоанн Богослов, Евангелие – в драгоценных камнях, памятные кресты, медали, сосуды, христоролюбивыми казаками после удачных походов переданные церкви. В особом помещении – старинные книги, рукописи, которым сотни лет и к которым из-за их ветхости даже притрагиваться боязно.

В коридорные стены вделаны чугунные плиты. А у самых церковных высоких двустворчатых дверей висят ручные кандалы и цепь. На чугунной плите – объясняющие строки: в соборе, прикованный цепью к стене, в 1671 году содержался Степан Разин.

В Снесареве, читавшем о Разине и слышавшем всякие – и благодарные, и осудительные – о нём легенды, боролись противоречивые чувства: кто он, атаман? То ли предводитель разбойников, то ли защитник сирых и обездоленных, то ли всего сполна? Старик-сторож, на вид столь древний, что, казалось, мог видеть и самого Разина, охотно поведал юноше ещё одно предание, которое он на своем веку пересказывал, видать, великое множество раз: «Охотились за атаманом по всей Руси-матушке. А когда поймали, то сюда и посадили. А он руками тряхнул – цепь с него, как кожа с дракона, так и оползла. Могуч, видать, был атаман, коли понадобилась такая увесистая тягостная цепь. Бросился он к Дону. Нырнул – вынырнул аж у другого берега. Видят казаки: откуда ни возмись ковёр-челнок. Сел на него Разин и поплыл. Да так быстро, что вмиг скрылся. Всё-таки его сызнова изловили. На Днепре, под Киевом. Сызнова в Черкасск привезли, в церковную стену замуровали. Только махонькую дырочку оставили, чтоб хлебную корку просунуть. Но проломил он стену, и где он – и поныне никто не знает. А в Москве на Лобном месте не его четвертовали. Другого. Подменённого».

Около собора большие железные ворота и чугунные непомерно большие весы – трофеи, вывезенные казаками из Азовской крепости. Неподалёку – четырехугольный столб с надписью: «Царь Петр здесь на майдане угощал вином дедов, когда был он здесь в Черкасске для наряда под Азов в 1702 году». Молодой Снесарев ещё не знал о том, что через несколько лет после отмеченного надписью государева посещения Черкаска Петр Первый и поинному распорядится «угостить» казаков за непослушание его воле: в дни Булавинского, поддержанного донцами восстания плоты с повешенными потянутся от верховых станиц к низовым. А насчет «упоения» вином... видать, казаки и впрямь были падки на него, коли на гербовой печати войска Донского, правда не изначальной, не раннестаринной, а утверждённой, может, и подсказанной Петром Первым, изображен был лихой малый, в чём

мать родила сидящий на винной бочке с ружьём и зельеналивным рогом в руках. Во всю дальнейшую жизнь непившему Снесареву, не раз видевшему, до чего хмельная бутылка доводила пьющих, столь залихватского вида гербовая печать всё же была не совсем по душе. Вернее, совсем не по душе.

2

Старочеркасск являл былую славу казачества. В Новочеркасске же история творилась на глазах. Основанная атаманом Матвеем Платовым, героем Отечественной войны 1812 года, молодая казачья столица наполнилась донцами из низовых станиц и их преданиями. Обустроивалась подчас драматично. Заложенный ещё во времена Платова собор дважды рушился. Лежащему на горе Новочеркасску не угрожало весеннее донское половодье, но зато терзали его тяжелые суховейные ветры и бури.

В пору, когда сюда за новыми знаниями прибыл выпускник Нижне-Чирской прогимназии, ещё не было ни памятников атаманам Ермаку и Бакланову, ни Вознесенского кафедрального собора, но всё же у городка уже обозначился свой облик – с прямыми улицами, изваянием атаману Платову, основательным зданием Новочеркасской гимназии, в которой учился и Снесарев, и до него, и после многие весьма приметные люди.

Гимназический курс не был трудным и обременительным для одарённого юноши, и он проявил себя одним из лучших и наиболее заметных гимназистов. В записках дочери отмечен такой случай. Прибывший из столицы с инспекторской проверкой чиновник пожелал присутствовать на уроке геометрии в классе, в котором учился Андрей. Преподаватель, дабы не рисковать, пригласил к доске самого надёжного своего математика, всегда отвечавшего безукоризненно. Однако именно в этот раз Андрей не подготовился: прокатался на коньках и даже не заглянул в учебник. Но что же делать – надо было попытаться не подвести класс, преподавателя, себя, наконец. Медленно поднимаясь с места и не отрывая глаз от страницы учебника, он предельным усилием воли схватил, запомнил чертёж и требование теоремы. Подойдя к доске и медленно расставляя буквы, собранно искал ход доказательства. Начал тихо, но твёрдо. Кинув беглый взгляд на преподавателя, увидел: тот сидит, весь красный, комкает от волнения бумажный лист. Андрей продолжает доказывать всё увереннее. Вновь бросает взгляд на преподавателя – тот уже спокоен. Теорема доказана. На перемене учитель спросил юношу, откуда взято доказательство, столь отличное от данного в учебнике. Андрей попытался отшутиться, дескать, у браминов всегда существует второе доказательство любой теоремы. И почему бы только у браминов? Наверное, любой в мире тезис доказывается или опровергается не обязательно одним, но двумя или даже несколькими способами. А затем сознался, что не подготовил урок и доказывал теорему путем естественных логических размышлений.

В июле 1884 года Снесарев подаёт прошение на имя ректора Императорского Московского университета: «Желая для продолжения образования поступить в Московский университет, имею честь покорнейше

просить Ваше Превосходительство сделать зависящее распоряжение о принятии меня на первый курс физико-математического факультета...» А гимназический курс он окончил с крепкими знаниями и отличными оценками по математике, греческому и латинскому языкам. Педагогический совет гимназии наградил его серебряной медалью, что давало право на поступление в университет без вступительных испытаний.

В 1911 году сокрушительный страшный ветер пронёсся над Новочеркасском как недобрый вестник скорой казачьей катастрофы. Или русской? Или всемирной?